

РАЗДЕЛ I. К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(430+470)"1945"

Лошков Д.Б.

Московский государственный областной университет

ГОД 1945-Й. «НА ТАКОЙ ГУМАНИЗМ, ВИДИМО, СПОСОБНЫ ТОЛЬКО РУССКИЕ»: СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье анализируются характерные черты и особенности поведенческой парадигмы советских солдат и офицеров в Германии в 1945 г. В основе исследования находится рассмотрение важнейшей исторической и психолого-политической проблемы «несвершившейся мести» со стороны СССР в отношении германского мирного населения как ответа на оккупационную политику Третьего рейха 1941-1943 гг. Проведя сравнительный анализ подходов противоборствующих сторон, автор пришёл к заключению, что и власти обоих государств, и их граждане, исходя из принципиального различия целей войны, по-разному реализовывали оккупационную политику, что и привело к диаметрально противоположным результатам.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, оккупация, ненависть, мщение, гражданское население, армия.

D. Loshkov

Moscow State Regional University

1945. "APPARENTLY ONLY RUSSIANS ARE CAPABLE OF SUCH HUMANISM": SOVIET SOLDIERS IN GERMANY

Abstract. The article analyzes the characteristic features and peculiarities of Soviet soldiers and officers' behavioral paradigm in Germany in 1945. The main focus of the research is the consideration of the most important historical, psychological and political issue of "not accomplished revenge" of the Soviet Union against German civilians as a response to the occupation policy of the Third Reich in 1941-1943. The comparative analysis of the approaches of the warring parties enabled the author to come to the conclusion that both the authorities and citizens of both states implemented the occupation policy differently, due to fundamental differences between the goals of the war, which led to diametrically opposite results.

Key words: The Great Patriotic war, occupation, hatred, revenge, civilian population, army.

© Лошков Д.Б., 2015.

Уходят в прошлое, становясь историей, люди и события, но память о сражениях Великой Отечественной войны, о героях, отдавших свои жизни за освобождение мира от фашистской угрозы, не должна потускнеть. 70 лет назад Красная Армия вошла на земли Германии и заставила нацистов окончательно осознать, что дни хвалёного «Тысячелетнего Третьего Рейха» сочтены.

Наступление советской армии на западном направлении в 1944 г., полное освобождение территории СССР от фашистских захватчиков и перенесение войны на территорию врага делали очевидным поражение Германии в войне. Фашистская Германия оказалась на пороге катастрофы [7, с. 509]. Несмотря на это, государственная и военная машина Германии продолжала борьбу с теми, кто не верил в скорейшую победу рейха. Немецкие власти, пытаясь укрепить моральный дух войск и населения, развернули широкую шовинистическую пропаганду, внушавшую людям идею неразрывной связи судьбы германского народа с фашизмом. Вступление советских войск в пределы Германии использовалось для запугивания немцев, которым внушалось, что их всех «от мала до велика» ожидает неминуемая гибель. Всё население призывалось встать на защиту своего района, своего дома. Некоторые подразделения были укомплектованы целиком из жителей одного населённого пункта, который они любой ценой должны были оборонять. По существу, все способные носить оружие зачислялись в фольксштурм – отряды народного сопротивления. Фашистские идеологи продолжали упорно твердить, что если

немцы проявят высокую стойкость, то советские войска не смогут преодолеть их сопротивление. «Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня, – подчёркивалось в приказе Гитлера, – должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечёт кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами... В этой суровой борьбе за существование немецкого народа не должны щадиться даже памятники искусства и прочие культурные ценности. Её следует вести до конца» [19, с. 518].

Развернутая идеологами «Тысячелетнего Рейха» пропагандистская кампания подкреплялась жесткими репрессивными действиями. В частях вермахта под роспись был объявлен приказ, который требовал удерживать немецкие территории во что бы то ни стало. А чтобы выполнение данного приказа ни у кого из германских солдат не вызывало сомнений, Гитлером была дополнительно издана директива о применении к нарушителям самых крайних мер – расстрелов, «с безотлагательным приведением в исполнение смертных приговоров перед строем» [20, с. 102].

Почему же нацистская пропаганда так боялась прихода Красной Армии? Ответ лежит не только в военной, но, в первую очередь, в идеологической плоскости.

На протяжении всех лет войны гитлеровское командование проводило на советских оккупированных территориях бесчеловечную политику тотального уничтожения. И нацистские бонзы боялись ненависти, которую посеяли в сердцах советских людей. Но эта ненависть к нацистам

возникла не сразу, не вдруг, она долго и мучительно вызревала в душах и умах солдат, а в начале войны многие бойцы, воспитанные в советском духе пролетарского интернационализма, вообще считали, что немцы воюют с нами по ошибке, достаточно распропагандировать их, «раскрыть глаза» и все моментально изменится. «Нельзя только и делать, что палить по дороге, а потом отходить, нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, встать против Гитлера, и мы им в этом поможем», – говорили они летом 1941 г. [26, с. 300].

Но очень быстро стало понятно, что подобные взгляды в реальных условиях Великой Отечественной войны не более чем иллюзия. Германия не собиралась просто захватить отдельные территории нашей страны, речь шла о целенаправленном уничтожении всего советского народа, для «освобождения жизненного пространства на Востоке». И вот тогда, как лесной пожар, ярко вспыхнула ненависть к безжалостным захватчикам.

«Пусть ярость благородная вскипает как волна...», – пелось в песне, и поводов, причин этой ярости было предостаточно. Гитлеровская Германия готовилась пожинать плоды, семена которых сеяла долгие годы.

Ещё в самом начале войны, 28 июня 1941 г. рядовой вермахта Эмиль Голыд на привале записал в дневнике: «На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцев мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в

каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы» [1]. И они делали.

«Пролами русскому череп, и ты обезопасишь себя от них навек! Ты безграничный властелин в этой стране! Жизнь и смерть населения в твоих руках! Нам нужны русские пространства без русских!» [16, с. 118]. Именно так объясняли германские офицеры своим солдатам перед вторжением в СССР заповеди нацистской истребительной войны.

Сейчас, к сожалению можно слышать мнение, что зверства фашистов лежат на совести войск СС и айнзацгрупп, а вермахт в карательных действиях не участвовал, но документы убедительно опровергают эти домыслы. В реальности отношения между армейским командованием и карателями было самыми тесными. Это подтверждают и многочисленные документы, выдержки из докладов, дневников и писем германских офицеров и солдат.

Бригаденфюрер СС Франц Штабелькер: «Айнзацгруппа «А» после подготовки её к операциям направилась в район, где она должна была сосредоточиться... на второй день кампании на Востоке. Группа армий «Север», состоящая из 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы, вышла перед этим днём. Нашей задачей было немедленно установить личный контакт с командующими указанных армий и командующим тыла. Следует подчеркнуть с самого начала, что сотрудничество с вооружёнными силами обычно было очень положительным; в некоторых случаях, например с 4-й

танковой группой... это сотрудничество было очень тесным» [24, с. 337].

На привалах геббельсовские пропагандисты разъясняли солдатам вермахта новые приказы командования – быть жестокими, беспощадными уничтожать всех независимо от пола и возраста – это объявлялось «трудной работой». И германские солдаты с радостью окунулись в «труд», не отказывая себе в «удовольствии» писать в дневниках своеобразные «отчёты» о своих зверствах:

«25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень красиво горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеёмся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда» [5, с. 26-27].

Несмотря на «трудную работу», как это требовало от них в своих приказах командование, гитлеровские солдаты находили время и на то, что считали «развлечениями»: грабежи, насилие, издевательства над военнопленными, стариками, женщинами, детьми.

Есть сотни тысяч, миллионы свидетельств такого поведения гитлеровцев на нашей земле. Свидетельств не только советских граждан, но и самих немцев. Но лишь очень немногие тогда в Германии задумывались о том, что может принести в будущем им, немцам, такая война. Находившийся в отставке бывший посол Германии в

Италии Ульрих фон Хассель написал в дневнике горькие, но, к сожалению, актуальные тогда лишь для немногих немцев, мысли: «Волосы встают дыбом, когда узнаешь о мерах, которые планируется предпринять в России, а также о том, как систематически будут нарушаться военные законы на захваченных землях. На деле там возникнет форма самого неприкрытого деспотизма – злейшей карикатуры на любые законы. Подобное состояние дел превратит Германию в такое государство, какое существовало лишь в образе, созданном вражеской пропагандой. ...Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера в России. Таким образом, армия должна принять на себя основную долю убийств и поджогов, которые до сих пор поручались СС» [4, с. 31].

Неудивительно, что и мирные советские граждане, и красноармейцы ответили врагу ненавистью. В начале войны, в первые ее месяцы ненависть была абстрактной, смутной, тесно перемешавшейся с тревогой за жизнь родственников и знакомых, оставшихся «под немцем». Начиная с Московской битвы, с первых освобождённых сел и деревень, ненависть приобретает конкретный характер. Это уже та самая «ярость благородная», слепая ненависть, осознание факта, что только полное уничтожение врага спасёт мир от нацистской угрозы. Теперь бойцы и командиры Красной Армии своими глазами увидели, какую судьбу им готовил враг.

«Вот, что мы наблюдаем, – писал один из красноармейцев, – женщина валяется посреди улицы. У нее отрезаны уши, глаза выколоты, живот вспорот. Рядом лежит группа бойцов

и командиров, у них нет носов, ушей, на лице рубленые раны. После этих издевательств они были сожжены в огне живыми. Каждый вечер мы наблюдаем огромные зарева пожарищ от пылающих сел и деревень, и сердце обливается кровью у каждого, а жажда мести все растет, и каждый боец и командир горит этой жаждой» [13, с. 347].

Именно тотальную войну на уничтожение собственного народа видели советские люди. Гитлеровцы не делали разницы между военнопленными и мирным населением, мужчинами и женщинами. Писательница Светлана Алексиевич собрала и опубликовала свидетельства сотен прошедших войну женщин; в её пронзительной книге «У войны не женское лицо» мы находим свидетельства и об этой по-настоящему страшной странице войны, об отношении гитлеровцев к женщинам.

«В плен военных женщин немцы не брали... Сразу расстреливали. Водили перед строем своих солдат и показывали: вот, мол, не женщины, а уроды. Русские фанатички! И мы всегда последний патрон для себя держали – умереть, но не сдаться в плен, – рассказывала писательнице одна из респонденток. – У нас попала в плен медсестра. Через день, когда мы отбили ту деревню, нашли ее: глаза выколоты, грудь отрезана... Её посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые. Ей было девятнадцать лет. Очень красивая...» [2, с. 129].

Страшно, непонятно уму нормального человека, как можно так относиться к женщине, ведь все они – солдаты «Тысячелетнего Рейха» – тоже были чьими-то сыновьями, братьями, мужьями, отцами. Как могли они себя так вести по отношению к тем, кто

даёт жизнь? Потом они оправдывались, что «просто» выполняли приказы командования. Преступные, чело-веконенавистнические приказы! Хотя это были не просто приказы: бонзы Третьего рейха последовательно выполняли собственную программу по выведению расы господ, хозяев для «недочеловеков» с Востока – собственно, они этого и не скрывали. Гитлер как-то заявил: «Мы создадим человека нового типа, расу господ и породу вице-королей». Правда, потом сделал, на его взгляд, важное уточнение, что «естественно, не может быть и речи об использовании людей этого типа на Западе!» [18, с. 46]. Что и говорить, уточнение было весьма важным, так как попробуй эта «раса господ» вести себя так же в Европе, Германия моментально лишилась бы всех тех огромных экономических и политических связей с Западом, которые она не теряла даже в годы Второй мировой войны. А на Востоке, по мнению нацистов, русские, не являясь людьми, должны были безропотно сносить все творимые ими зверства, терпеть, как «приручаемые животные».

Порой и сейчас, особенно со стороны наших западных партнёров, можно слышать призывы простить преступления военных лет. Простить? Конечно, нормальный человек не может, не должен жить с нескончаемой ненавистью и болью утраты. Но давайте обратимся к первоисточнику этой мысли. «Cognoscere ignoscere», – писал Публий Теренций Афр ещё во II в. до н.э. – «научитесь прощать», или, как часто говорят, «понять означает простить». Здесь-то и кроется важнейшее противоречие. Западу, не испытавшему всего ужаса нацистской политики

тотального уничтожения всего и вся не просто осознать, что понять нацистов и для советских граждан, и для сегодняшних россиян невозможно. Военнопленные, женщины, старики и даже дети по какой-то извращённой логике представляли опасность для нацистской власти. Их «вина» сводилась лишь к тому, что в геббельсовской пропаганде они были «недочеловеки».

Не поддаётся описанию весь тот ужас, который испытывали дети в концентрационных лагерях. Сейчас Прибалтикой «толерантно» забыта страница истории, связанная с Саласпилсом. Концлагерь «Куртенгоф», или, как он официально назывался, «Саласпилская расширенная полицейская тюрьма и лагерь трудового воспитания» был создан на территории Литвы. У малолетних заключённых отбирали кровь для раненых немецких солдат, больным детям подмешивали в еду мышьяк [12, с. 78, 83]. «Грудных младенцев и детей до 5 лет помещали в отдельный барак, где они умирали в массовом порядке», а «комендант лагеря Краузе <...> когда у него было плохое настроение, садился на окно своего кабинета и стрелял в проходивших заключённых» [28]. Стоит ли после этого удивляться, что ненависть к врагу, поселившаяся в сердцах командиров и бойцов Красной Армии, миллионов простых советских граждан горела ярким пламенем, требуя уничтожить врага любой ценой?

Читая воспоминания, письма, дневники, документы той, далёкой теперь военной поры, начинаешь осознавать всю глубину чувств, испытываемых советскими бойцами и командирами, бившимися с врагом. Становится понятно, что подвиги бойцов и команди-

ров – Николая Гастелло и Александра Матросова, Сергея Гусева и Николая Мамонова, Зои и Александра Космодемьянских, двух Степанов, Гурьева и Нестерова, и сотен тысяч других, поименованных и неизвестных, были рождены не только личным мужеством и отвагой отдельных героев, но и стали следствием настроя всех советских людей.

«Вот прошла уже весна, наступило лето, а как-то не чувствуется его, не переживаешь так ощущений, как раньше до войны, – писал домой один из бойцов Красной Армии. – Испытываешь какое-то чувство отчуждённости. Не сливаешься с природой, не переживаешь радости её обновления. Как будто какой-то туман стоит перед тобой и окружающей обстановкой. Всё кажется как во сне. Вероятно, такое чувство испытывают люди, приговорённые к смерти (безнадёжно больные, приговорённые к казни). Но пессимизма нет. Наоборот, хочется скорей больших реальных действий, которые ускорили бы развязку и дали бы возможность, хотя бы и не всем из нас, вернуться к мирной жизни, к любимой работе, к личному счастью (или найти его новое)»¹. Мощнейшее чувство справедливости, осознание того факта, что в борьбе с нацизмом высшая ценность – собственная жизнь порою является той ценой, которая приближает Великую Победу, приближает час, день, когда война будет перенесена на земли Германии и счёт предъявлен к оплате, было общим объединяющим началом для миллионов советских людей.

И вот этот день настал. В середине января 1945 г. солдаты Красной Армии

¹Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4325. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.

вступили на землю нацистской Германии. Все эти годы они дрались и выжидали с одной мыслью – отомстить за погибших друзей, за обесчещенных жён, за детей, лишённых детства, за мечты, которые не сбылись, за надежды, которые были втопты в грязь немецкими сапогами. За годы войны слова «враги» и «немцы» стали синонимами, позором в истории человечества, который необходимо уничтожить. Такова была твёрдая уверенность красноармейцев.

А немцы, эти жители «Тысячелетнего Рейха», в своей массе почти не имели представления о том, что в реальности творили их родственники и знакомые, мобилизованные в вермахт и войска СС, на советской земле в течение трёх долгих лет. Однако и то немного, что им было известно, не позволяло надеяться на пощаду. Этот момент чётко осознавался очень многими. Взлелеянный и выпестованный в Министерстве пропаганды Геббельса крик «Мы не должны проиграть войну!» стал ведущим мотивом поведения немцев. А нацистская агитационная машина, подогревая эту истерию, продолжала бушевать. Из пыльных пропагандистских сундуков извлекались на свет штампы эпохи Германской империи: что Германии, как и встарь, угрожают дикие и жестокие казаки, и что русских в Красной Армии уже почти нет, а на Запад, как сотни лет назад, идут орды калмыков и китайцев, которые зальют кровью всю Европу, будут убивать и насиловать.

«Большевистские планы ненависти и уничтожения в отношении Германии известны с давних пор, – писала газета «Дер Зиг». – Задолго до этой войны кремлёвские евреи выработали свои планы нападения на национал-социа-

листическую Германию и на всех немцев. Большевицкая агитационная машина вбила планомерно в мозги и сердца своей солдатчины то, что тогда уже было подготовлено с садистским предвкушением удовольствия еврейскими мозгами. Кровожадность, жажда мести, похотливость – вот движущие пружины, при помощи которых направляют против нас солдат советской армии и ускоряют их марш по немецкой земле.

Еврей Эренбург обострил все низменные инстинкты в такой мере, как это только возможно у этой расы. Отвратительные безобразия, совершённые советскими армейцами во многих городах и деревнях немецкого востока, так ужасны, что можно только с содроганием констатировать, насколько еврейский дух может убить все человеческие чувства» [11, с. 68-69].

Полезно вспомнить, что действительно ещё летом 1942 г. Илья Эренбург опубликовал статью «Убей!» написанную, по его же словам, на основе писем из Германии, найденных у убитых и попавших в плен солдат вермахта, из которых совершенно очевидно вырисовывалось стремление нацистов «превратить наш народ в рабов», и, как мы знаем, это чистая правда. Но, как справедливо заметил Даниил Гранин, «Эренбург писал в 1942 году, в августе, когда немцы шли на Сталинград, наступали на Северном Кавказе. Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга, ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было ещё выстоять. Мы не могли позволить себе роскошь разделить немцев на фашистов и просто мобилизованных солдат, шинели на них были одинаковые и автоматы. Это потом, в сорок четвёртом, сорок пятом,

стали подправлять, корректировать, разъяснять, и то мы не очень-то хотели вникать. А тогда было так». И далее Гранин уточняет: «Ах, неужели сегодня кому-то наши чувства могут показаться заблуждением?» [6, с. 225].

Однако и немецким солдатам, и руководству нацистской Германии в 1945 г. казалось вполне естественным, что обуреваемые ненавистью и жадной мщеницей советские солдаты должны, даже обязаны вести себя в Германии точно так же, как все эти годы вели себя немцы на оккупированных территориях СССР.

Наиболее чётко эта позиция была выражена в последнем обращении Гитлера к солдатам вермахта. «Солдаты на Восточном фронте! В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на Восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь» [11, с. 50].

Весной 1945 г. по улицам германских городов и деревень шли красноармейцы. Увиденное лишь усиливало в них отчуждение и ненависть: аккуратные улицы городов и посёлков, почти не тронутые войной. В домах немцев – достаток и уют, почти не виданные в СССР пылесосы и стиральные машины, аккуратная добротная мебель. А в голове роились тяжёлые мысли, что за спиной выжженная выходцами из этих вот чистых городков родная земля, где руин и пепелищ больше, чем не-

тронутых войной домов, где мёртвых – больше, чем живых. И это распаяло ещё больше. «Войны-то у них ещё не было! У них всё сохранилось! А у нас – война всё взяла! Надо же представить положение нашей армии, нашего народа. Представляете: территории до Москвы, Украина, Белоруссия были заняты. До Волги дошли! Все это было разорено! Все это было нарушено! И как – прошли мы по этой территории, освободили: надо все было восстанавливать! А у них что же: они воевали, на их территории войны ещё не было!» [9, с. 541] – вспоминал спустя годы очевидец. Они вымещали накопившуюся ненависть на домашней утвари, мебели, стенах домов. В Восточной Пруссии, в Раценбурге, красноармеец яростно колол штыком манекен из папье-маше, стоявший в витрине разгромленного магазина. «Кукла кокетливо улыбалась, а он колол, колол. – писал очевидец, – Я сказал: «Брось! Немцы смотрят...» Он ответил: «Гады! Жену замучили...» – он был белорусом» [26, с. 453].

На первый взгляд казалось, что вот-вот на улицы германских городов и деревень выплеснется волна русского гнева, сопровождаемая насилием и грабежами: «Как теперь трудно воевать. Всё чужое, враждебное, всё подстерегает. Если бы ненависть убивала, то её бы у каждого из нас хватило бы на тысячи этих зверей» [27, с. 167] – написала в своём дневнике медсестра Вера Вяткина. Разве это не подтверждение предположений, что земли Рейха захлебнутся в крови?

Но этого не произошло.

Ответ на вопрос «почему?» надо начать с того факта, что командование Красной Армии жёстко пресекало подобное поведение. Действительно,

приход советских войск на собственно германские земли ставил на повестку дня вопрос: пришло время мести. Но как вспоминал о тех днях старший сержант артиллерии В.И. Олимпиев: «Мы уже три года готовились мстить фашистам. Теперь возник вопрос: конкретно кому и как?» [17]. Вопрос отнюдь не простой: пока война шла на советской земле, для бойцов всё было понятно: любой немец – враг. Но вот наконец под их ногами закрипела ненавистная германская земля – и кто же враг? Кому мстить? Всем подряд? Только некоторым? Как отделить просто жителей и реальных врагов?

Ответ на этот вопрос у советского руководства был, и сформулирован он был отнюдь не в дни побед 1943–1945 гг., а раньше. Ещё в феврале 1942 г. И.В. Сталин в праздничной речи, посвящённой очередной годовщине РККА, дал ясно понять истинную цель Советского Союза в этой жестокой войне: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей... Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остаются» [23, с. 1].

Именно эта идея и легла в основу распоряжений и приказов, отданных советским командованием, как только Красная Армия вступила на немецкую землю. «Вскоре после вступления в Восточную Пруссию нас ознакомили с приказом, осуждавшим насилие в отношении гражданского населения, особенно женщин, и мародёрство. В

приказе говорилось о строгих наказаниях (кажется, вплоть до расстрела), которым будут подвергнуты нарушители» [10], – вспоминал гвардии лейтенант Исаак Кобылянский, а ещё один участник событий Анатолий Мужиков рассказывал: «...были спущены директивы и приказы вышестоящего командования войскам. В них было требование лояльно относиться к мирному немецкому населению, строго пресекались грабежи и изнасилования. Эти требования в войсках выполнялись» [15].

Разумеется, глупо было бы утверждать, что советские солдаты сразу как один по приказу стали «ангелами во плоти». Тяжёлые утраты, понесённые практически каждой советской семьёй: погибшие родители, жёны, дети, друзья и родственники взывали к отмщению, такое просто не могло забыться вдруг, по приказу, какими бы жесткими мерами он не выполнялся. «Те, кто пострадал от немцев, у кого родные были расстреляны, угнаны, а их дома разрушены, они в первое время считали себя вправе и к немцам относиться также: «Как?! Мой дом разрушили, родных убили! Я этих сволочей буду крошить!», [8, с. 175-176] – вспоминал Петр Кириченко. Но массовости, спланированной организованности, как у немцев, это не имело, да и не могло иметь.

В последние годы целым рядом авторов предпринимаются попытки целенаправленно очернить Красную Армию. Уравнивать её с гитлеровским вермахтом, «доказав», что приход русских в Европу был вторым нашествием Чингисхана, сопровождавшимся спланированными массовыми изнасилованиями и убийствами [3; 29; 31]. И от-

радно сознавать, что всегда находятся честные историки, причём не только среди наших соотечественников, убедительно, с фактами и документами доказывающие всю несостоятельность такого «подхода» к освещению событий войны.

Так, применительно к печально известному массовому убийству в Неммерсдорфе, принимавший непосредственное участие в тех боях Бернхард Фиш допускает, что имела место сознательная провокация немцев, использовавших диверсантов, переодетых в советскую форму. В своей книге «Nemmersdorf, October 1944: What actually happened in East Prussia» [30], Фиш вспоминает, что увидел в Неммерсдорфе обстановку, сильно отличающуюся от озвученной официальными немецкими властями.

По его мнению – германские оборонительные позиции в районе Неммерсдорфа были заранее ослаблены, что может указывать на спланированную ловушку для советских войск. После обнаружения тел немецкой стороной не было предпринято ни одной попытки по их идентификации.

Бернхард Фиш также заключил, что на снимках представлены тела жертв из нескольких деревень Восточной Пруссии.

А знаменитый инцидент в Тройенбритцене, где 1 мая 1945 г. около 90 жителей мужского пола были арестованы и расстреляны, был убедительно разоблачен историком Никитой Мендковичем, который в результате подробнейшего анализа событий пришел к выводу, что это – очередная антироссийская легенда [14].

Необходимо отметить и тот факт, что значительная часть тех преступле-

ний, которые всё-таки совершались на немецкой земле, к бойцам и командирам Красной Армии вообще никакого отношения не имела. Как сообщала в те дни прокуратура 1-го Белорусского фронта: «Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливаются на наших военнослужащих...» [21, с. 246].

Столь спокойное поведение красноармейцев было в том числе вызвано и тем фактом, что предпринятые советским командованием меры по наведению порядка были настолько решительны, что навсегда врезались в память бойцов. «Попробуй их чего-нибудь там возьми без спросу, – рассказывал танкист Владимир Даудов, – то хана! Страх!» [9, с. 550].

К тому же командование стало применять наказание, которое для бойцов оказалось хуже смерти. Наказание, которое они запомнят на всю оставшуюся жизнь. Наказание, которое перечеркнёт всё славное прошлое провинившегося. Может быть, сейчас кому-то такое наказание покажется смехотворным – мародёров и преступников лишали наград. Но тогда отношение к жизни, смерти и солдатской чести было иным: «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Ведь человека по сути вычёркивали из летописи Великой Победы, перечеркнув все его потери и заслуги, превращали в обычного обывателя, в пустышку, не способную поднять взгляд в ответ на вопрос «А что ты сделал для Победы?!».

«Ничего не помню, доченька, ничего», – повторял мне дед... Он дошел до

Берлина. Военный трибунал долго рассматривал его дело: разрядил обойму в пленного немца. Вину солдат признал, но с решением суда не согласился: «Лучше расстреляйте, только не забирайте награды!» Медали и ордена отняли. С тех пор о войне дед и «не помнит». 9 Мая закрывается дома и один поминает друзей. Награды ему возвратили, но он их не надевает. О войне не говорит никогда» [27, с. 233-234], – написала Индира Квятковская, внучка ветерана войны.

Большое внимание уделялось и разъяснительной работе. Были специально организованы политзанятия, на которых с бойцами детально разбирали суть поступивших приказов, недопустимость любых незаконных действий в отношении мирного немецкого населения. Очевидец вспоминал: «Подполковник Нефёдов нас предупреждал: «В этой войне пролито много крови. Но мы вступаем на территорию Германии не для того, чтобы мстить немецкому народу, а чтобы уничтожить фашизм и его армию» [27, с. 45].

Так что же происходило в реальности на занятых советскими войсками немецких землях? Неужели только лишь приказы командования и агитационная работа удержали людей от мщения? Конечно же, нет. Для раскрытия этого феномена следует обратиться ко множеству воспоминаний и документов, попытаться понять, что в реальности видели и чувствовали советские люди на землях своего неприимого врага.

«Ненависть была живой, не успешней притихнуть. Бог ты мой, если бы перед нами оказались Гитлер или Гиммлер, министры, гестаповцы, пала-

чи! – вспоминал позднее Илья Эренбург. – Но на дорогах жалобно скрипели телеги, метались без толку старые немки, плакали дети, потерявшие матерей, и в сердце подымалась жалость. Я помнил, конечно, что немцы не жалели наших, всё помнил – но одно дело фашизм, Рейх, Германия, другое – старик в нелепой тирольской шляпе с перышком, который бежит по развороченной улице и машет клочком простыни» [26, с. 453].

На смену поведения и настроения советских бойцов влияло поведение и самих немцев. Вот характерный пример из воспоминаний одного из советских командиров: «Я помню, в Пруссии, в одном городке, со мной произошёл такой случай. Я подъезжаю на своей летучке к какому-то дому, чтобы заправиться водой. У входа в подвал стоит часовая. Из подвала доносятся какие-то голоса. Я у часовой спрашиваю: «Кто там такие?» – «Да фрицы. Не успели сбежать. Семьи там. Бабы, мужики, дети. Мы их всех сюда заперли». – «Для чего они тут содержатся?» – «А кто знает, кто они такие, разбредутся, потом ищи. Хочешь, пойдешь посмотри». Я спускаюсь в подвал. Сначала темно, ничего не вижу. Когда глаза немного привыкли, увидел, что в огромном помещении сидят эти немцы, гул идет, детишки плачут. Увидев меня, все затихло и с ужасом смотрят – пришел большевистский зверь, сейчас он будет насиловать, стрелять, убивать. Я чувствую, что обстановка напряжённая, обращаясь к ним по-немецки, сказал пару фраз. Как они обрадовались! Потянулись ко мне, часы какие-то протягивают, подарки. Думаю: «Несчастливые люди, до чего вы себя довели. Гордая немецкая нация, которая говорила о

своим превосходстве, а тут вдруг такое раболепство». Появилось смешанное чувство жалости и неприязни» [8, с. 175-176].

Тот самый Илья Эренбург, чьими воззваниями так запугивала геббельсовская пропаганда собственных сограждан, на страницах советских газет призывал: «Есть люди, и есть людоеды. Немцы брали детей и ударяли ими об дерево. Для воина Красной Армии ребёнок – это ребёнок. Я видел, как русские солдаты спасали немецких детей, и мы не стыдимся этого, мы этим гордимся.

Немцы жгли избы с людьми, привязывали к конским хвостам старух, бесчинствовали, терзали беззащитных, насиловали. Нет, мы не будем платить им той же монетой! Наша ненависть – высокое чувство, она требует суда, а не расправы, кары, а не насилия. Воин Красной Армии – рыцарь. Он освобождает украинских девушек и французских пленных. Он освобождает поляков и сербов. Он убивает солдат Гитлера, но не глумится над немецкими старухами. Он не палач и не насильник. На немецкой земле мы остались советскими людьми» [25, с. 721].

Нужно понимать, что был не просто официальный призыв кремлевского пропагандиста. Нет, именно подобные настроения и стали основой мыслей советских солдат в этот период. Один из участников боёв конца войны, И.Д. Перфильев вспоминал: «Мы бились за каждый коридор, за каждую комнату. Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверх, на этажах, мне и ещё нескольким солдатам из нашего батальона

пришлось в крошечной тьме, почти в плыв, вытаскивать немецких детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей...» [9, с. 546].

Так что отношение, обычное человеческое отношение к людям, обездоленным войной, постепенно выходило на первый план и становилось непреложной нормой поведения красноармейцев.

Начало меняться и отношение немцев к советским людям. На место годами вдалбливаемой ненависти к недочеловекам и страха начинает приходить понимание всей лживости прежних штампов. А вместе с ним – и осознание того ужаса, той трагедии, что принесли советскому народу их германские соплеменники и родственники. В германском народе начинает просыпаться стыд за всё то зло, что пытались причинить миру его отдельные представители, и ясность неизбежной расплаты виновных за совершённые преступления. И тогда имевшие представление о реальных событиях на советской земле офицеры вермахта и полиции, желая любым путем уйти от наказания, в панике, не только стрелялись сами, но и порою пытались уничтожать собственные семьи. Личные и официальные документы той поры содержат множество свидетельств о подобном паническом поведении. Кажется, что на войне люди быстро привыкают к смерти, тем более, на первый взгляд речь идет о смерти врага; однако к смерти невинных, особенно детей, нормальному человеку привыкнуть просто невозможно. И красноармейцы, встречаясь с такими трагедиями, прилагали все силы чтобы их остано-

вить и предотвратить. «Вдруг совсем рядом – выстрел из дома, у которого остановилась наша первая машина. ...Немецкий офицер застрелился из парабеллума, а в соседней комнате лежат женщина и двое малышей, изо рта идет пена. В дом бросился военфельдшер Королев. Велел нести из коровника молоко. Через 2 дня детишки стали поправляться. Женщина рассказала, что ее муж еще вчера вечером сказал: «Все кончено. Тебе и детям нельзя попасть в их руки». Когда услышал звук приближающихся машин, стал торопливо поить сына и дочку из стакана. Под дулом пистолета выпила отраву и жена, после чего потеряла сознание» [27, с. 205].

Такое поведение красноармейцев и командиров стало полнейшей неожиданностью для немцев, ведь нацистская пропаганда готовила их к страшной мести со стороны «недочеловеков». «Уже прошло полдня, как пришли русские, а я ещё жива» [11, с. 370]. Проникнутая нескрываемым изумлением фраза пожилой немки, является, пожалуй, наиболее наглядным подтверждением того факта, насколько гитлеровским пропагандистам удалось запугать собственное население. В результате прихода русских оно боялось даже больше, чем смерти.

Однако действительность оказалась иной, и немцы, довольно быстро это осознав, стали быстро возвращаться в свои дома, из которых бежали при приближении армии «людоедов, недочеловеков». Например, когда бойцы Красной Армии заняли местечко Клестерфельд, там осталось всего 10 человек, но уже спустя несколько часов из ближайшего леса домой вернулось еще 2638 жителя. Восстанавливая мирную

жизнь, местные жители, обмениваясь друг с другом впечатлениями, говорили: «Русские не только не делают нам зла, но и заботятся о том, чтобы мы не голодали» [11, с. 370].

Мы прекрасно помним из истории, что в 1941-1942 гг. вступление солдат вермахта и СС в советские села и города сопровождалось грабежами и насилием, а вскоре начинались голод и болезни. В 1945 г. приход Красной Армии на земли Третьего рейха сопровождался принципиально иной картиной: поддержание правопорядка со стороны советских комендатур, выдача продовольственных пайков нуждающимся немецким семьям.

Изумление, которое испытали осознавшие этот факт немцы, шокировало обывателей. Дадим слово очевидцам. Жительница Берлина Элизабет Шмеер писала: «Нам говорили нацисты, что если придут сюда русские, то они не будут нас «обливать розовым маслом». Получилось совершенно иначе: побежденному народу, армия которого так много причинила несчастий России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало прежнее правительство. Нам это трудно понять. На такой гуманизм, видимо, способны только русские» [11, с. 308].

Более того, те из немцев, кто имел возможность сравнить действия советских властей и их англо-американских союзников прямо заявляли, что не хотят, чтобы их передали в оккупационную зону союзников. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Е.С. Сенявская приводит в одной из своих статей поразительные факты: «...первый бургомистр Боннака (район Лихтенберг) заявил, комментируя введенные рус-

ским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не можем претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием, поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправку оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине великодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы являются выше, чем даже при Гитлере...

Население опасается только одного – не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится.

Житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плётками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские».

О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое – часто бьют палками и плётками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские» [22].

Вполне очевидно, что подобные действия официальных советских оккупационных властей в Германии были в первую очередь вызваны сугубо прагматическим желанием не допустить появления в тылу советских войск очагов сопротивления со стороны мирного немецкого населения. Но никаким прагматизмом нельзя объяснить многочисленные случаи гуманного поведения по отношению к немцам со стороны командиров и красноармейцев, которые сами, без приказа, помогали жителям Германии, делясь с ними собственными пайками и одеждой; это было движение души.

«И вот сели мы под гусеницы нашей самоходки прямо на асфальт с пятнами крови. Первую стопку – за тех, кто не дожил. Вдруг появились, как грибы, маленькие детишки. Мы поманили их руками и улыбками, накормили и еще кое-чего с собой дали» [27, с. 231].

Видя такое к себе отношение, немцы сами начинали искать контакта, выстраивать отношения с пришедшими на их землю советскими солдатами. Очевидец вспоминал: «Я еду по улицам. Выходит один, старичок: «Gutten Tag», – говорит. Ну это я знал еще по школе, я говорю: «Gutten Tag». Я слез с лошади, зашёл к нему: старуха и девушка.

Что-то они там сказали. И на стол сразу. На стол. Как-то они сказали: «Ну, пожалуйста, кушайте». И садятся они. Я с ними кушал, все нормально. И вообще они нас принимали очень хорошо» [9, с. 556].

Возможно, такое поведение было вызвано тем, что перед советскими людьми предстали не абстрактные и карикатурные «фрицы», а обычные люди. Люди, в душевных порывах которых, образе их мыслей они пытались

разобраться, чтобы понять. Понять, как эти простые, порою смешные, порой странные или даже жалкие люди допустили, что их дети, их родственники всего за несколько лет превратились в безжалостных убийц, творивших свои преступления на нашей земле. Понять для того, чтобы потом, в соответствии с народной мудростью, простить. Да, тогда, в теперь очень далеко 1945 г. советские солдаты ещё не были готовы прощать, но и бездумно, бездушно мстить, простым, порой сильно испуганным жителям немецких сел и городов они тоже были не способны.

Советские солдаты не испытывали ненависти к гражданским лицам. «В Растенбурге комендантом города назначили майора Розенфельда. Гитлеровцы убили его семью. А он делал всё, чтобы оградить население немецкого города... При мне к коменданту привели маленькую девочку – родители погибли. Майор ласково и печально глядел на нее, может быть, вспоминал свою дочку. Сколько раз он, наверное, повторял про себя слова о «священной мести», а в Растенбурге понял, что это была абстракция и что рана в его сердце не заживет» [26, с. 453].

«Вопрос о мести фашистам как-то отпал сам собой. Не в традициях нашего народа отыгрываться на женщинах и детях, стариках и старухах. А невооруженных немцев-мужчин, пригодных для службы в армии, мне не приходилось встречать... в городах... Отношение советских солдат к немецкому населению там, где оно оставалось, можно назвать равнодушно-нейтральным. Никто, по крайней мере из нашего полка, их не преследовал и не трогал. Более того, когда мы встречали

явно голодную многодетную немецкую семью, то без лишних слов делились с ней едой» [17].

Довольно распространены сейчас труды т.н. «исследователей», которые пытаются очернить наше прошлое, не просто принизить значение Победы, но и унижить тех, кто своей жизнью защитил мир от коричневой угрозы. Да, нельзя не говорить об особом пренебрежении наших соотечественников к человеческой жизни. «Победы любой ценой» стоили нам громадных потерь. Но зачинщики – немцы не испытали и сотой доли тех страданий, которые их солдаты причинили нам. «Запечатлённой в камне правдой», а не пропагандистским преувеличением называют современные исследователи монумент советскому солдату со спасённой немецкой девчушкой в Трептов-парке [9, с. 546]. А созданное на подконтрольной СССР немецкой территории мощное немецкое социалистическое государство Германская Демократическая Республика всегда было самым верным союзником Москвы среди стран ОВД. Если все те преступления, о которых пишут последователи Геббельса, были бы на самом деле, то вряд ли в принципе были бы возможно добрососедские и союзнические отношения, длившиеся больше четырех десятков лет.

Почти семьдесят лет прошло с момента занятия Восточной Пруссии и взятия Берлина. На данный момент современная Германия является одним из наших ближайших стратегических партнёров. Согласно множеству современных социологических опросов, россияне не воспринимают немцев как своих врагов.

Как отмечал один из исследователей: «Вторая мировая война принесла

всем участвовавшим в ней народам слишком много страданий, чтобы память о них можно было просто предать забвению. Мы знаем, что мирные немцы сильно пострадали от развернувшихся на их земле боевых действий, и искренне сожалеем об этом. Но знаем мы и то, что стократ большие страдания пришлось перенести нашему народу, поставленному тогда на грань выживания» [9, с. 557].

Всё это позволяет нам по праву гордиться нашими прадедами, победившими фашизм, и делать всё для того, чтобы не допустить появления фашистской угрозы миру где бы то ни было.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 22 сентября 1941 от Советского Информбюро [Электронный ресурс] // Наша Победа. День за днем – проект РИА Новости: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.9may.ru/07.03.1942/inform/m3167> (дата обращения: 02.04.2015).
2. Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Пальмира, 2004. 320 с.
3. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 662 с.
4. Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплёва, А. Марченко, А. Фельдшера. Смоленск.: Русич, 1999. 448 с.
5. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: (краткий очерк). М.: Мысль, 1965. 454 с.
6. Гранин Д.А. Прекрасная Ута // Наш комбат: Авт. сб. М.: АСТ, 2004. 448 с.
7. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М.: Наука, 1973. 664 с.
8. Драбкин А.В. Я дрался на Т-34: Сквозь пекло войны. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 352 с.
9. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 576 с.
10. Кобылянский И.Г. Мы не были полчищем варваров и сексуальных маньяков! [Электронный ресурс] // Я помню: [сайт]. [2000–2003]. URL: http://www.portalus.ru/modules/warcraft/special/remember.ru/artillerymen/kobyliansky/kobylyansky5a_r.htm (дата обращения: 02.04.2015).
11. Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М.: АСТ, 2000. 608 с.
12. Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. М.: Европа, 2006. 344 с.
13. Лубянка в дни битвы за Москву: По рассекреченным документам ФСБ РФ: Маскировка Кремля. Эвакуация тела Ленина. Минирование важнейших объектов и организация подполья. Донесения военной контрразведки и зафронтовых групп. Письма солдат РККА и вермахта / Ред. совет.: Христофоров В.С., Собкин В.Н., Виноградов В.К. и др.; Сост.: Виноградов В.К., Жадобин А.Т., Жиляев В.И. и др. М.: Звонница-МГ, 2002. 480 с.
14. Мендкович Н.А. Это было в Тройен-Бритцене [Электронный ресурс] // Актуальная история: научно-публицистический журнал [сайт]. [2008–2012]. URL: <http://actualhistory.ru/articles-treuenbrietzen> (дата обращения: 02.04.2015).
15. Мужиков А.Н. [Электронный ресурс] // Я помню: воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: [сайт]. [2006]. URL: http://iremember.ru/memoirs/minometchiki/muzhikov-anatolij-nikolaevich/?sphrase_id=14344 (дата обращения: 02.04.2015).
16. Неизвестный Гитлер: Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948–1949 гг. / Предисл. М. Уля, Х. Эберле; В. Хаустова; Х. Мёллера; пер. с нем. при-

- мечаний А. Чикишева, Е. Кулькова. М.: Олма-пресс, 2005. 512 с.
17. Олимпиев В.И. Взгляд на войну из окопа [Электронный ресурс] // Я помню: воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны: [сайт]. [2006]. URL: http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/olimpiev-vsevolod-ivanovich/?sphrase_id=14343 (дата обращения: 02.04.2015).
 18. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера в ставке Германского верховного командования (1941–1942), записанные Генрихом Геймом и Генри Пикером и изданные последним / Пер. с нем. И.В. Розанова; общ. ред., предисл. И.М. Фрадкина. Смоленск: Русич, 1998. 486 с.
 19. Проэктор Д.М. Фашизм: Путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1989. 584 с.
 20. Рунов В. Штурмы Великой отечественной М.: Яуза; Эксмо, 2011. 320 с.
 21. Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. 616 с.
 22. Сенявская Е.С. Красная Армия в Европе в 1945 году. Старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе [Электронный ресурс] // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [сайт]. [2012]. URL: http://www.perspektivy.info/history/krasnaja_armija_v_jevroepe_v_1945_godu_staryje_i_novyje_stereotipy_vosprijatija_v_rossii_i_na_zapade_2012-05-04.htm (дата обращения: 02.04.2015).
 23. Сталин И.В. Приказ Народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. // Правда. 1942 г. № 54. 23 февраля.
 24. Хаупт В. Группа армий «Север»: Бои за Ленинград, 1941–1944 / Пер. с англ. Е.Н. Захарова. М.: Центрполиграф, 2005. 382 с.
 25. Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. / Сост., предисл., коммент. Б. Я. Фрезинского. М.: АСТ; Астрель, КРПА Олимп, 2004. 796 с.
 26. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: в 3 т. Т. 2: Кн. 4, 5. М.: Текст, 2005. 608 с.
 27. Я это видел: Новые письма о войне / Сост. Э. Максимовой, А. Данилевича; предисл. Э. Максимовой; С. Алексеевич. М.: Время, 2005. 320 с.
 28. Яченков В. Мертвая голова [Электронный ресурс] // Федеральная служба безопасности Российской Федерации: [сайт]. [2012]. URL: <https://archive.today/20120803064856/www.fsb.ru/fsb/history/author/single.html?id%3D10318166@fsbPublication.html#selection-655.2-655.169> (дата обращения: 02.04.2015).
 29. Atina Grossmann. «A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers» // JSTOR: October, Vol. 72 (Spring, 1995), 42–63 pp.
 30. Fisch, Bernhard. Nemmersdorf, Oktober 1944: Was in Ostpreußen tatsächlich geschah. Berlin: 1997. 192 p.
 31. Herzog Dagmar. Sex after Fascism: Memory and Morality in Twentieth-Century Germany. Wiley, 2007. 361 p.